

14.08.99

Уланова Татьяна

ЛИЦА И МАСКИ

И так каждый вечер...

Рос. газета. — 1999. — 14 авг. — с. 8

Предлагаемый читателю эскиз — из книги, над которой я сейчас по договоренности с издательством "Воскресенье" работаю. Книга будет называться "Лица и маски". Нетрудно догадаться, что это будет книга о самых разных людях. От тещи приятеля до великих (кто на самом деле, а кто по должности) мира сего. Два неперенных условия, поставленных самому себе, — писать только о тех, с кем знаком или был знаком. И не расставлять точки над i. Пусть это останется на долю читателя, тем более что автор и сам не всегда знает, где лицо, а где маска. А где и то и другое сразу.

Но почему сегодня — Галина Уланова? Много лет назад мы на "Шестом этаже" захотели отметить тридцатилетие "Четвергов" "Комсомольской правды", которые начались вместе с Великой Отечественной войной. Решили пригласить в свой "Голубой зал" всех участников первого такого "Четверга". Галину Сергеевну я, тогдашний главный редактор газеты, "закре-

пил" за разъездным корреспондентом Татьяной Агафоновой.

— Ты или никто! — демагогически заявил я, адресуясь сразу и к слухам о недоступности Улановой для прессы, и к безграничной пробивной силе нашего спецкора.

Расчет оправдался. Галина Сергеевна пришла на юбилейный "Четверг". Пришла и осталась с нами до последних своих дней: подружилась с Татьяной и со всем тогдашним коллективом "Комсомолки". Этим, в частности, и объясняется тот факт, что мы с женой, не говоря уже о Татьяне, оказались в числе узкого круга гостей, приглашенных на тот вечер, о котором идет речь в предлагаемом читателю этюде. Дождаться бы этим, написанным по горячим следам страстничкам выхода всей книги, если бы не одно обстоятельство.

Я имею в виду опубликованные в шестом номере журнала "Знамя" воспоминания Алексея Симонова о том, как вместе с Татьяной Влади-

мировой Агафоновой он работал приблизительно в ту же самую пору над двухчасовым документальным фильмом об Улановой.

Странный встает с этих страниц облик Галины Сергеевны. Непохожий не только на мое, к примеру, представление о ней, что вполне естественно; не только на легенду о ней, любимая мишень автора воспоминаний, каковая неизбежно возникает рядом с именем и судьбой великого человека, но и на тот образ, который создан в фильме.

Парфразируя поэта, скажу то, чему поклонялся, и не поклонился тому, что сжигал...

Вот и захотелось мне, не вдаваясь в полемику, опубликовать в "Российской газете" и мои две странички, крохотную частицу будущей книги, повествующие лишь об одном вечере в гостях у неповторимой нашей современницы.

И, может быть, прочитав их, тот, кто уже познакомился с пространным очерком Алексея Симонова, задумается еще раз о превратностях человеческих судеб и репутаций.

И неторопливый, по-молодому отчетливый, ясный говорок ее был слышен каждому.

Дело было в 1945 году. Нуть ли не в первый ее выезд за рубеж, в Вену, которая тогда была оккупационной зоной. Концерты давали в помещении какого-то драматического театра.

И была там женщина, которая поразила тем, как ухаживала за балеринами, — пачка у меня, сзади крючки, смотрю, она на молнии переделала. У нас тогда этого не было... Придешь — она тапочки снимает. Она мне — тапочки снимает... Мы к этому не привыкли. И вот вернешься со сцены, короткий перерыв, пока вот Надя танцует. Она сразу — молнию вжик, каким-то составом тебя оботрет, тут же пуанты расшнурует... За две-три минуты — полный отдых. И снова на сцену. А к ней в руки — Надя. Весь концерт — мы вдвоем. У Нади четыре номера, у меня шесть... Характерные танцы и классика. И так каждый вечер, несколько дней подряд...

Гости слушали — каждый там, где его застало начало рассказа. И не было вокруг ни знаменитостей, ни статистов. Ни счастья танцевать с великой, ни чести дружить с нею. Была работа, которая, пока ее делаешь, одинаково и трудна, и радостна для всех. "У меня классические, у Нади — характерные. Шесть и четыре..."

Борис ПАНКИН.

ца смуты сидела с застывшим, словно обмелевшим лицом.

Все это, однако, лишь приписка. Но без нее — сказки не понять. А сказка в том, как слушала своих гостей балерина и что она потом сказала.

Слушала она с почти роняющим ее вниманием к произношению. Никого не остановила. Но с

первой, когда тосты кончились, заговорила с той, ну, проигравшей, что ли.

И когда все стали подниматься, чтобы размяться перед чаем, который вызвались приготовить Володя с Катей, осталась сидеть и говорить с нею, вспоминая, как "мы вот с Надей на гастролях вместе выступали".

128